

УДК 929 Митряев

**Натиск интеллекта, благородства и доброты:
к 90-летию со дня рождения
Анатолия Ильича Митряева (1922–1998)**

Лиман С. И., Бердута М. З., Головка А. Б., Сорочан С. Б.

Лиман С. И., Бердута М. З., Головка О. Б., Сорочан С. Б. Натиск інтелекту, шляхетності та доброти: до 90-річчя від дня народження Анатолія Ілліча Мітряєва (1922–1998). У статті розглядаються основні етапи життєвого шляху та науково-педагогічна діяльність кандидата історичних наук, доцента кафедри історії середніх віків (згодом кафедри історії стародавнього світу та середніх віків) історичного факультету Харківського університету Анатолія Ілліча Мітряєва (1922–1998). Підкреслюється, що наукові інтереси вченого були пов'язані в основному з аналізом вивчення гуситського руху в радянській історіографії, а також з дослідженням медієвістики в Українській РСР. Стаття складається з чотирьох нарисів, у кожному з яких учні та колеги А. І. Мітряєва – С. І. Лиман, С. Б. Сорочан, О. Б. Головка, М. З. Бердута діляться своїми спогадами про нього.

Ключові слова: А. І. Мітряєв, історіографія, медієвістика, славистика, гуситологія, гуситський рух, Харківський університет.

Лиман С. И., Бердута М. З., Головка А. Б., Сорочан С. Б. Натиск интеллекта, благородства и доброты: к 90-летию со дня рождения Анатолия Ильича Митряева (1922–1998). В статье рассматриваются основные этапы жизненного пути и научно-педагогическая деятельность кандидата исторических наук, доцента кафедры истории средних веков (впоследствии кафедры истории древнего мира и средних веков) исторического факультета Харьковского университета Анатолия Ильича Митряева (1922–1998). Подчеркивается, что научные интересы учёного были связаны в основном с анализом изучения гуситского движения в советской историографии, а также с исследованием медиевистики в Украинской ССР. Статья состоит из четырех очерков, в каждом из которых ученики и коллеги А. И. Митряева – С. И. Лиман, С. Б. Сорочан, А. Б. Головка, М. З. Бердута делятся своими воспоминаниями о нём.

Ключевые слова: А. И. Митряев, историография, медиевистика, славистика, гуситология, гуситское движение, Харьковский университет.

Lyman S. I., Berduta M. Z., Golovko A. B., Sorochan S. B. The Onslaught of Intelligence, Generosity and Kindness: to the 90th Anniversary of Anatoly Ilyich Mitryaev (1922–1998). The article considers the main

stages of the life and scientific-pedagogical activity of the candidate of historical sciences, associate professor of Medieval History (later the Department of Ancient History and Medieval History) Historical Department of Kharkov University, Anatoly Ilyich Mitryaev (1922–1998). It is emphasized that the scientist's scientific interests were mainly associated with the analysis of the study the Hussite movement in soviet historiography, as well as to research in medieval studies of the Ukrainian SSR. The paper consists of four essays, each of which students and colleagues, A. I. Mitryaev – S. I. Lyman, S. B. Sorochan, A. A. Golovko, M. Z. Berduta share their memories of him.

Keywords: A. I. Mitryaev, historiography, medievalism, Slavic Studies, gusitologiya, the Hussite movement, Kharkov University.

Мягкая отеческая улыбка, лишённая рисунка превосходства. Всё понимающий умный взгляд. Неторопливые плавные жесты, так похожие на движения рук дирижёра. И неизменные движения пальцев к истокам галстука – воротнику. Он всегда удобно располагался на стуле или в кресле, потому что искренне дорожил мнением и временем Собеседника, кем бы он ни был: студентом или профессором, случайным попутчиком или известным актёром. Он безмерно любил жизнь и пытался научить этому редкому дару окружающих. Может быть потому, что родился в тот самый роковой год, от которого мертвящая статистика войны оставили всего три процента живых? И он словно жил за себя, не отдавшего бомбе «Юнкерса» своё сердце под выгоревшей гимнастёркой, и за все 97 % своих сверстников, которые навсегда остались юными и «превратились в белых журавлей»...

Это всё о Нём – об Анатолии Ильиче Митряеве, который, без сомнения, был одной из самых ярких личностей исторического факультета Харьковского университета второй половины прошлого века. 9 мая 2012 г., в День Победы, ему исполнилось бы 90 лет...

Анатолий Ильич родился в 1922 г. в г. Чугуеве [см.: 4, с. 42]. Его отец был военнотружущим и занимал одну из штабных должностей в артиллерийском полку. Полевые лагерь и палатки, ездовые лошади, шпоры и шашки комсостава – словом вся романтика бивачно-гарнизонной жизни с ранних лет окружала будущего историка. А рассказы младших и старших командиров о двух войнах, пережитых страной, многократное перечитывание теперь уже никому неизвестной книги о юном стрелке-буре из воюющего с Англией Трансвааля, - всё это формировало особый взгляд на мир, искренний интерес к отечественному и зарубежному прошлому. Вероятно, это были те самые ощущения, которые через полвека столь ёмко выразил в своей песне Владимир Высоцкий:

«Липли волосы нам на вспотевшие лбы,
И сосало под ложечкой сладко от фраз.
И кружил наши головы запах борьбы,

Со страниц пожелтевших слетая на нас...»

В 1930 г. Анатолий Ильич пошёл в первый класс. К этому времени его отца перевели к новому месту службы, сначала в Харьков, а затем в расположенный на Северо-Западе страны в Архангельской области г. Северодвинск. Учёбу, начатую в харьковской школе № 25 пришлось заканчивать в 1940 г. в северодвинской школе № 1.

Переезды, новая обстановка, новые впечатления, встречи с новыми людьми. Разговоры одноклассников и взрослых. Их надежды и их тревоги... Анатолий Ильич на всю жизнь сохранил в памяти живое восприятие многих ключевых событий 20-30-х годов. Почти двухлетним, он (чудом!) запомнил леденящие душу, долго не прерывающиеся заводские гудки – пролетарская диктатура, смягчённая первыми приметами нэпа, шумно хоронила своего создателя. Конец 20-х запомнился ему магазинным изобилием, бурной театральной жизнью Харькова с пёстрыми афишами на уличных тумбах, шумом трамваев и колясок извозчиков. 12-летним он запечатлел, как столица УССР переводилась из Харькова в Киев, и по этому случаю при толпах сбежавшихся прохожих Харьковский полк НКВД маршем уходил в Киев, а ему навстречу, из Киева в Харьков двигался точно такой же полк. Девятый вал арестов Анатолий Ильич запомнил уже старшеклассником. «Сидим в полковом клубе, фильм смотрим, – рассказывал как-то он. – Вдруг слышим посреди сеанса негромкий голос дежурного по части: «Капитан такой-то, на выход!» А наутро фамилию этого капитана уже никто в полку не произносил. Если рядового арестовывали – о нём в казарме напоминала только тщательно заправленная кровать... А в это время в школе в своих учебниках дети циркулями кололи фотографии тех, кого объявили «врагами народа». Но маховик репрессий не исключал гусарских выходок даже в такое время. И Анатолий Ильич с восторгом рассказывал, как один из офицеров отцовского полка лихо въехал по лестнице верхом на коне на второй этаж гостиницы «Красный воин» (ныне один из корпусов Харьковской академии культуры).

Таким офицерам предстояло выиграть войну!

А война уже приближалась. Миллионы заострённых ладоней тянулись в небо под истерично-надрывные крики «хайль!», а немецкие генералы и франко-британские колдуны от политики уже округляли границы Третьего рейха. Увеличивал территорию и военные приготовления и Советский Союз. Так уж получилось, что школу Анатолий Ильич заканчивал, по сути, в прифронтовой полосе. «Зимняя война» 1939–1940 гг. с Финляндией пришлась на его десятый класс, а слишком дорогая цена за победу в ней произвела тяжёлое впечатление на советских военных. По воспоминаниям Анатолия Ильича, несмотря на аресты, взрослые не очень стеснялись в выражениях, в откровенно-дружеских разговорах критиковали своё руководство, используя

понятные только им одним прозвища, и говорили о реальных, а не «официальных» потерях при лобовой атаке линии Маннергейма.

Этот фронтовой дух ворвался в душу десятиклассника ещё до того, как малая война сменилась Великой, большой.

Война застала Анатолия Ильича на мирной работе в конторе северодвинского строительного участка № 203. По его воспоминаниям в тот воскресный день 22 июня царило смешанное настроение неистового воодушевления и тревоги. Никто не сомневался в победе, и многие, как учила их тому пресса, радио, кино считали, что это произойдёт совсем скоро. Я часто задавал Анатолию Ильичу вопрос: «А было хоть иногда, и в 41-ом и особенно в 42-ом, когда линия фронта была уже у Волги, сомнение в том, что победим?» На этот вопрос даже в начале 90-х, когда не осталось, казалось, необсуждённых «неудобных» тем, он отвечал уверенно, качая головой: «Нет, никогда! Мы знали, что победим, даже если отступим до Урала». И прибавлял: «Люди были такие. И политорганы работали хорошо».

Люди были такие!... Анатолий Илич был одним из таких людей. Разве раннее ранение глаза и пятидесятипроцентная слепота – повод, чтобы отталкивать от себя белым билетом шинель, портупею, сапоги? С октября 1941 г. Анатолий Ильич – начальник штаба школы противовоздушной и химической обороны в Северодвинском Осоавиахиме. С января 1942 г. он – начальник клуба эвакогоспиталя № 1142 Карельского фронта, а впоследствии политработник-пропагандист.

Приподнятое настроение. Ядрёные фронтовые шутки, анекдоты, смех. Всё это должен был извергать и излучать тот, кто отвечал за высокий моральный дух бойцов под яростными бомбёжками немецких и финских самолётов. Да, вид босого бойца осенью 41-го запомнился Анатолию Ильичу навсегда. Но навсегда запомнилось и другое... Станция. Привычный авианалёт. Он застал бойцов за разгрузкой боеприпасов. И кто-то из них (представим хотя бы на секунду!) прилёг на снарядные ящики, чтобы отдохнуть... «Юнкерсы» роняют бомбы, наши командиры – слова команд. А боец задремал на ящиках, хотя для взрыва достаточно одной искры. Солдат спит, служба идёт! Отработают зенитки, – проснусь. А пока... Кому сгореть – тот не утонет!

Из всех рассказов Анатолия Ильича о буднях Карельского фронта этот потряс меня больше всего. Хотя было и множество других. В том числе о том, как с прорвавшегося конвоя союзников сходили простые американские парни. Они не знали, что ответить, когда их спрашивали «где Второй фронт?» Заходя в клуб эвакогоспиталя, они отвечали ногами. Они танцевали там, не чувствуя усталости, потому что чудом уцелели от торпедных атак общего врага...

Общего врага начали бить уже с двух сторон, когда в июне 1944 г. Анатолий Ильич был демобилизован. Освобождённая страна медленно

поднималась из руин, и он был направлен восстанавливать родную Харьковщину. С июня по август Анатолий Ильич работал в Харькове инструктором Московского райкома комсомола и одновременно сдавал экзамены в Харьковский университет.

«Учебный год в Харькове открылся уже через неделю после его освобождения», – с гордостью за свой город часто говорил Анатолий Ильич. Он стал студентом исторического факультета ровно год спустя после освобождения, а фронтовые сводки очень помогали в борьбе с бытом. Руины. Хлебные карточки. Плохо отапливаемые помещения. Но души грели сообщения Совинформбюро. «Наши взяли Варшаву!» «Наши взяли Будапешт!» – это первокурсники обсуждали прямо в аудиториях одновременно с «Законами Хаммурапи». А потом пал Берлин! Капитуляция Германии! Победа! Но, радуясь Победе в Великой Отечественной, Анатолий Ильич не придавал особого значения тому, что она как раз совпала с днём его рождения...

Послевоенный голод стал новым испытанием для освобождённой страны. Сильно ощущал его и студент А. И. Митряев. Как раз в это время он встретил свою будущую жену, Валентину Иосифовну, которая, если мне не изменяет память, родилась в семье латышского стрелка. «Она спасла меня от голода!» - несколько раз говорил мне Анатолий Ильич, и я представлял себе, как хрупкая студентка химического факультета делится своим куском хлеба с заслуженным, но голодным фронтовиком. С Валентиной Иосифовной Анатолий Ильич проживёт до самой её смерти в 1992 г.

В 1949 г. А. И. Митряев с отличием окончил истфак ХГУ и поступил в аспирантуру при кафедре средних веков. В 1949–1952 он – аспирант и одновременно (с 1948 по 1950) лаборант этой кафедры. Научным руководителем Анатолия Ильича стал признанный специалист по истории Нидерландской революции 1566–1609 гг. профессор Н. М. Пакуль. Смерть Н. М. Пакуля почти совпала с окончанием А. И. Митряевым аспирантуры и в какой-то степени повлияла на изменение научных интересов Анатолия Ильича. Вместо воззрений Маркса и Энгельса на сущность феодальной формации [см.: 2, с. 112] А. И. Митряев стал заниматься изучением истории южных и западных славян. Курс под этим названием на долгие годы станет его основным курсом на историческом факультете, а научные интересы со временем окончательно сфокусируются на отечественной историографии гуситского движения. Сбор материала по этой теме Анатолий Ильич начинал с работ дореволюционных авторов. Эта долгая и кропотливая работа была уже в разгаре, когда оказалось, что по теме «Русская историография гуситского движения» готовится докторская диссертация в главном университете страны. Впоследствии, уже в 1978 г. в процессе данного исследования была издана известная одноимённая монография крупного славяноведа Л. П. Лаптевой. Тему

своей кандидатской Анатолию Ильичу пришлось менять уже в процессе работы. Теперь он начал заниматься советской историографией гуситского движения.

Работа над новой темой затягивалась. Это было связано и с общим состоянием здоровья Анатолия Ильича, которому приходилось затрачивать вдвое большие усилия на чтение текстов, чем его коллегам, и с его востребованностью как в качестве лектора, так и в качестве постановщика студенческого театра. С 1952 г. А. И. Митряев – старший преподаватель, затем доцент кафедры истории средних веков, кафедры древней истории, археологии и средних веков, а после защиты в 1971 г. кандидатской диссертации «Советская историография гуситского движения» он – заведующий кафедрой истории средних веков (1971–1975). С 1975 А. И. Митряев – доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии, в 1978–1992 – доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, в 1992–1998 – доцент общеуниверситетской кафедры истории Украины.

Анатолий Ильич был виртуозным лектором. Помимо основного предмета – «История южных и западных славян» он в разное время преподавал различные спецкурсы. Среди них – «Гуситское движение», «Историография истории средних веков», а в конце 80-х – «Медиевистика в Украинской ССР». Он был увлечён своим предметом. Я редко видел его на лекциях без улыбки. Он не читал, а рассказывал по памяти и при этом обычно ходил между рядами, обращаясь ко всей аудитории и к каждому студенту в отдельности. Он блестяще умел управлять тембром голоса, разливать волны любых интонаций, держать паузу между основной мыслью и её продолжением. Всё это дополнялось жестами и мимикой, как в отлично поставленном спектакле.

Данное сравнение не является случайным. Анатолий Ильич успешно руководил театральной деятельностью факультета [см.: 3, с. 229-230], а одно время являлся режиссёром университетского театра. Насколько успешным была его деятельность, свидетельствует хотя бы такой факт: в 60-е годы ему предлагали стать режиссёром одного из главных профессиональных театров Харькова. Спектакли, популярные капустники, КВН, День истфака – всё это становилось возможным благодаря его искромётным сценариям и постановкам. Театральная жизнь позволяла ему часто бывать в Москве, других городах страны, и многих известных актёров, режиссёров, авторов он знал лично, общался с ними. Среди них – Юрий Яковлев, Юрий Соломин, автор «Мемуаров» Павел Макаров, ставший прообразом главного героя популярнейшего фильма «Адъютант его превосходительства». Спектакли, поставленные А. И. Митряевым, имели главным образом юмористическую, а нередко и сатирическую направленность. Однажды он поставил спектакль, где вполне узнаваемые преподаватели были закамуфлированы названиями

спиртных напитков – «Господин Портвейн», «Мадам Мадера». Случалось, что свою обиду на постановщика кто-то решался демонстрировать прямо в зале. По рассказам ветеранов истфака, один из их коллег вдруг встал во время спектакля и с обидой прокричал хохочущему залу: «НЕ-смеш-но!!!», после чего хохот только усилился. Однако в своих пьесах Анатолий Ильич с юмором подходил и к собственной персоне. Помню, как в одной из постановок сначала на археологических раскопках «Маслины-87», а затем на Дне истфака-88 студенты спели в числе прочих его куплетов куплет и о нём самом:

«А Митряев загорает,
До обеда он молчит,
На Луну всю ночь вздыхает
И сценарии строчит».

Анатолий Ильич ценил хороший сценарий и профессиональную постановку вне зависимости от политической конъюнктуры. В 91-ом, остро критикуя партийное руководство, он тем не менее доказывал мне, что фильм «Чапаев» – подлинная классика в каждом его эпизоде. А вот авангардистский спектакль «Мой бедный Адольф», собиравший тогда же в Киеве толпы зрителей – сущая дурновкусица.

К этому 91-ому году Анатолий Ильич пришёл разочарованным в идеалах умирающего общественного строя, но без всякой эйфории в отношении реалий рыночной экономики и шоковой терапии. Не цитируя Гёте, он почти дословно повторял его слова: «Свободен первый шаг, но мы рабы второго!» Он предвидел гиперинфляцию и настоятельно советовал мне, своему аспиранту как можно скорее отправиться в командировку в архивы Киева, Одессы, Нежина, Львова, Черновцов. «Именно сейчас, в следующем году будет ещё тяжелее!» Я не хотел верить насчёт «тяжелее», но внял его советам, за что очень признателен. И хотя почти половина собранного летом и осенью 1991 г. архивного материала так и не вошла в кандидатскую, эту часть своей аспирантской работы я успел сделать ещё в то время, когда кровный командировочный рубль подешевел в два раза, а не в пять тысяч раз. В том, что в начале 1994 г. состоялась защита моей кандидатской «Медиевистика в Украине в конце XIX–начале XX в.» огромную роль сыграли не только научные, но и практические советы Анатолия Ильича, хорошо понимавшего реалии как старой, так и новой эпохи.

Окружающих поражал интеллект и энциклопедические знания Анатолия Ильича. Однажды в одной из творческих компаний вышел спор по поводу авторства и времени появления одного из музыкальных произведений. «Чего вы спорите? Позвоните Митряеву!» – последовало чьё-то предложение. Через минуту предмет спора был исчерпан.

Анатолий Ильич обладал врождённым даром убеждения. Он очень ровно общался с коллегами и студентами. Его манеру общения я бы назвал Натиском интеллекта, благородства и доброты. Он располагал к

себе своей открытостью, доступностью, умением поддержать любую беседу. Общась с ним, невозможно было чувствовать внутреннего напряжения, опасения услышать «да что за чушь ты тут несёшь»? Это был преподаватель – Духовник. «Ты же умный, просто не ленись думать!» – мог сказать Анатолий Ильич студенту, которого в другом месте наверняка причислили бы к «педагогически и интеллектуально запущенным». Он прекрасно разбирался в людях и потому всегда прощал собеседнику неуместные эмоции, острые высказывания, максимализм. Он был по-рыцарски почтителен к дамам, которые искренне ценили его, и очень трогательно отзывался о своих умерших родителях. «Мне кажется, человек по-настоящему счастлив до тех пор, пока живы его родители», – сказал он однажды в начале «лихих девяностых».

Своих детей у него не было...

Последние 30 лет жизни Анатолий Ильич прожил на Красношкольной набережной, в доме № 18, в скромной двухкомнатной квартире, до самого потолка заполненной стеллажами книг. В одном из книжных шкафов в открытом пластиковом футляре хранилась чехословацкая памятная медаль Яна Гуса, вручённая ему в 1965 г. за заслуги в изучении гуситской тематики. Он уважительно отзывался о Чехословакии, вступался за её репутацию, даже если уничижительное высказывание касалось чешской сборной по футболу, и с грустью узнавал из теленовостей, как в чешских городах начала девяностых спешно меняли советские и русские названия улиц, а молодёжь вымазывала розовой краской водружённые на постаменты танки Т-34 – эти привычные памятники освобождения от нацизма.

Мечтой Анатолия Ильича был камин. Он хотел провести последние годы жизни, любуясь причудливой игрой огня. Он продолжал писать. Среди неоконченного – юмористическая пьеса из жизни сотрудников посольства одной из стран СНГ и монография о развитии медиевистики в Советской Украине. Для работы над данной темой Анатолий Ильич собрал целые кипы сделанных выписок о новой литературе, которые могли бы составить капитальный библиографический справочник, а в июне 1991 г., он в последний раз выезжал в научную трёхнедельную командировку. Все указанные бумаги хранятся у его родственников и ещё ждут своего пытливого исследователя.

Опубликованное Анатолием Ильичём – это верхушка айсберга всего того, что создал этот талантливый учёный и сценарист. Его основные научные интересы были связаны с изучением историографии гуситского движения в СССР. Этой теме были посвящены многочисленные статьи и уже упоминавшаяся кандидатская диссертация «Советская историография гуситского движения».

Несмотря на то, что, по собственному признанию А. И. Митряева, «первые научно-исследовательские статьи, посвящённые Яну Гусу,

появились в советской исторической науке в начале 50-х годов» [10, с. 91], изучение гусизма в СССР харьковский историк начинал с первых лет существования новой власти.

В защищённой в 2010 г. кандидатской диссертации И. И. Бучанова «Гуситское движение: отечественная историография. 1945–2005 гг.» научное творчество А. И. Митряева оценивается в целом положительно [1, с. 6], хотя критические замечания современного автора относительно историософской непреклонности советского учёного явно не учитывают реалий той эпохи. Однако сам А. И. Митряев, во-первых, не отрицал «того позитивного, что сделано в буржуазном гуситоведении» [11, с. 17], а, во-вторых, он менее всего был склонен преувеличивать единство мнений в марксистской исторической науке. Считая самым плодотворным для развития гуситоведения современный ему этап, А. И. Митряев тем не менее указывал, что и в марксистской историографии «наместились различные точки зрения относительно сущности отдельных явлений гуситской эпохи и оценки социального содержания отдельных этапов гуситского движения и гуситских войн в целом» [12, с. 3]. Хотя кандидатская диссертация А. И. Митряева была посвящена советской историографии гусизма, он, успешно применяя сравнительно-исторический метод, дал краткий экскурс предшествующего этапа развития гуситоведения в Российской империи и в Европе [12, с. 5-6]. Сам автор по вполне понятным причинам разделял официальное советское определение гуситского движения как социального явления, порождённого обострением в конце XIV–начале XV вв. классовых противоречий феодального общества [12, с. 9]. Отметим, что это определение, хотя и затеняло острые религиозные и национальные противоречия в Чехии, тем не менее без особых изменений широко используется и в современной науке. Отталкиваясь от него, А. И. Митряев оценивал важность для отечественной гуситологии работ 20-60-х гг., подчас весьма критически трактуя многие из публикаций советских учёных. Это касалось как тех из них, кто допускал «чрезмерное преувеличение значения национальных моментов», так и тех, кто именовал гуситское движение «религиозно-рационалистическим», «социально-демократическим», либо «городской революцией» [12, с. 8, 10].

Хотя А. И. Митряев особо выделял в советском гуситоведении период с середины 40-х до середины 50-х гг., в течение которого было защищено 15 кандидатских диссертаций по различным проблемам предистории и истории гуситского движения, основная масса работ в рамках данной тематики была опубликована, по его мнению, в конце 50-х и начале 60-х гг. (Б. Рубцов, А. И. Озолин, Л. П. Лаптева и др.) [12, с. 11]. Новыми чертами советского гуситоведения 60-х гг. А. И. Митряев считал изучение историографии гуситского движения, борьбы внетаборной плебейской оппозиции, формирования

программных требований бюргерско-дворянского лагеря гуситов [12, с. 12]. При этом уровень разработки последней из указанных проблем, в сравнении с изучением крестьянско-плебейской идеологии, ученый считал недостаточным [12, с. 16], а «оценки источников и историографического наследия в области гуситоведения в соответствующих разделах гуситоведческих исследований советских авторов носят до известной степени односторонний характер...» [12, с. 19]. Традиционно наиболее интенсивно в советской историографии, по мнению А. И. Митряева, рассматривались вопросы развития аграрных отношений в чешской деревни предгуситской эпохи [6, с. 97].

В рамках избранной темы А. И. Митряев в дальнейшем осуществил отдельные публикации, посвящённые оценкам в советской историографии идеологии таборитов [15], а также идеологии и позиций Петра Хельчицкого и Яна Желивского [13]. «Рассмотренные работы советских гуситоведов, – указывал А. И. Митряев, – пока что не дают чёткого ответа на вопрос, занимало плебейство, возглавляемое Желивским, самостоятельную позицию в Праге во время гуситских войн или шло за радикальным течением бюргерской оппозиции» [13, с. 115].

Ещё одним вектором научных трудов А. И. Митряева стало изучение отдельных аспектов истории славяноведения, византистики и медиевистики в Харьковском университете [22; 25] и в целом в УССР. Эти аспекты нашли своё отражение в нескольких статьях и тезисах научных докладов. Так, анализируя состояние изучения в научных учреждениях Украины 20-х гг. средневековой истории славян и Византии, А. И. Митряев наряду с творчеством таких крупных учёных как В. П. Бузескул [14, с. 35-37], М. С. Грушевский [14, с. 37] рассматривал научное наследие М. В. Бречкевича [14, с. 41-42], Г. Н. Лозовика [14, с. 39-41], Ф. И. Мищенко [14, с. 36], углубляясь в особенности их методологических подходов, что диктовалось требованиями современной ему советской науки. Особую ценность, на наш взгляд, представляла обобщающая статья А. И. Митряева «Изучение в украинской советской историографии средневековой истории зарубежных славян» (1917–1967). Охватывая в ней пятидесятилетний период развития славистики в УССР, А. И. Митряев подчёркивал, что практически все работы в этом направлении представляли собой анализ работ по новой и новейшей, а не средневековой истории зарубежных славян [8, с. 3]. Пик славистических исследований в рамках изучаемого им периода автор статьи относил к 50-60-м гг., а наибольший исследовательский интерес обоснованно связывал с разработкой различных проблем истории средневековой Польши, отмечая при этом в проблемном плане недостаточную изученность истории польских городов [8, с. 9-11]. Добавим, что в 1992 г. в рамках работы Конгресса славянских культур в

Москве состоялась международная научная конференция "Болгарская культура в веках". На ней А. И. Митряев апробировал свой соавторский доклад «Кирилло-Мефодиевская проблема в трудах медиевистов Украины XIX–XX вв.», в котором представил историографию Кирилло-Мефодияны советского периода [26].

Показателем высокого научного авторитета А. И. Митряева является его участие в двух масштабных научных проектах 70-х гг. Редколегия третьего тома «Української радянської енциклопедії» именно ему поручила написать статью о гуситском движении [17, с. 218-219], а редколегия библиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России» – статьи о М. С. Дринове, В. К. Надлере, М. Г. Попруженко [18; 19; 20]. Отметим при этом, что известная монография Л. В. Гориной «Марин Дринов – историк и общественный деятель» (1986) увидела свет уже после того, как А. И. Митряев в соавторстве с О. М. Сурковым опубликовал статью «До питання про оцінку Марина Дринова як історика-славіста» (1978). В этой статье был высказан ряд критических замечаний в связи с попытками некоторых авторов представить общественно-политические взгляды М. С. Дринова более демократическими, нежели они были на самом деле [16, с. 70-71]. Работу над изучением творчества Марина Дринова А. И. Митряев продолжал и в дальнейшем [см.: 24].

Последним крупным проектом, осуществлённым А. И. Митряевым, стала непосредственная организация им международной научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения крупнейшего советского востоковеда А. П. Ковалевского, на которой он выступил со специальным докладом [28]. Последней публикацией – рецензия в авторитетном «Болгарском ежегоднике» на монографию известного болгариста С. И. Муртузалиева «Историографические этюды по истории Болгарии XV–XVI столетий». В этой монографии, по мнению А. И. Митряева, наиболее обстоятельно освещён вопрос о советской историографии 40-80-х гг. по истории гайдуцкого движения, хотя автор «не уделяет достаточного внимания рассмотрению научно-исследовательской аргументации тех или иных точек зрения на гайдуцкое движение и последствия турецких завоеваний» [29, с. 387-388].

Аргументация! «Исследователь-историограф должен не только изложить чью-то точку зрения. Он должен показать, как и на основе чего автор доказывает свою мысль!» Эти наставления Анатолия Ильича, которые он делал мне в аспирантуре и которые выразил в последней публикации, рельефно характеризуют его научные подходы, его глубокую, подчас критическую манеру изложения материала, его требовательность, как к другим авторам, так и к самому себе.

А. Б. Головкин: Анализируя прожитые годы, прежде всего хочу подчеркнуть: без всякого сомнения, самыми яркими, интересными, без преувеличения счастливыми были годы студенчества, которые прошли

в стенах исторического факультета Харьковского государственного университета. Солидность учебного заведения, резкое отличие университетской учебы от школьной, возможность заниматься любимой с раннего детства историей, встречаться с интересными, глубоко знающими людьми – все это во многом и определило значение этих лет.

На мой взгляд, общий антураж исторического факультета сорок лет назад был более интересным, что во многом, определялось функционированием непосредственно в помещениях возле деканата археологического музея и камеральной лаборатории.

С первого курса я сразу начал думать о возможной кафедре, где стоило пройти специализацию. Многие мои коллеги однозначно отдали выбор кафедре истории КПСС (именно с моего курса эта общеуниверситетская кафедра начала привлекать студентов-историков для специализации), а я хотел выбрать кафедру, где с одной стороны можно было ощутить вкус седой старины, а с другой реально попробовать себя в научной работе. Выбор в конце концов был сделан на кафедре средних веков.

Конец 60-х – начало 70-х гг. прошлого века были весьма непростыми для сотрудников этой кафедры. В конце 1969 г. умер заведующий кафедрой, всемирно известный историк-арабист Андрей Петрович Ковалевский, и определенное время кафедра де-факто не имела нового заведующего. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию Анатолий Ильич Митряев, которому после утверждения его научной степени и предложили стать заведующим кафедрой. Следует сразу сказать, что к выполнению новой должности А. И. Митряев отнесся с большой серьезностью. Прежде всего, он сразу провел большую организационную работу по созданию нового кабинета для своей кафедры. В этом кабинете были созданы условия для проведения занятий для студентов, специализирующихся в области медиевистики, а также для преподавателей, которые здесь же имели возможность подготовиться к занятиям, провести консультации студентов и пр. Хочу отметить, что сейчас в этом же помещении находится кафедра истории древнего мира и средних веков, которая, несмотря на переустройство и евроремонт, не потеряла дух той кафедры. В плане учебной работы по инициативе А. И. Митряева сотрудники кафедры стали готовить специальную учебную тему, посвященную реформационным и революционным движениям в странах Западной и Центральной Европы. Сам Анатолий Ильич читал много лет спецкурс о гуситском движении в Чехии. В «индивидуальном» плане А. И. Митряев сразу же начал своеобразную научную поисковую работу, чтобы со временем подготовить докторскую диссертацию. В то время его интересовала

проблема изучения средневековой истории зарубежных славян в историографии Украины XX века.

Если говорить о своих личных контактах, то реально, достаточно близко я познакомился с Анатолием Ильичем во втором семестре второго курса, когда он нам читал курс истории южных и западных славян в эпоху средневековья и раннего нового времени. Хочу отметить, что в те времена работа профессоров и преподавателей не заканчивалась в аудитории. В перерывах между парами студенты, особенно на первом и втором курсах, часто не отпускали любимых учителей, которым приходилось отвечать на огромное количество вопросов. Поскольку я решил заниматься историей средневековой Польши, мы уже тогда договорились с А. И. Митряевым, что я попробую подготовить работу на тему «Раннесредневековая Польша и поляки в украинской исторической мысли». Позже именно это стало частью моей дипломной работы.

Вспоминая А. И. Митряева, следует сказать, что он всегда поражал своей огромной энергией, заряженностью, величайшей эрудицией, которой он, как весьма воспитанный человек, никогда не бравировал. Он был очень коммуникабельным, общительным, очень демократичным. И одновременно, складывается впечатление, практически некарьеристичным человеком. Он прекрасно разбирался во многих сферах культуры и искусства, великолепно знал украинскую интеллектуальную жизнь XVIII–XX вв., был патриотом своего города. Замечу к этому последнему штриху, что он был страстным болельщиком футбольного клуба «Металлист», причем во все времена, даже когда этот прославленный ныне клуб не имел достаточно больших успехов.

В завершение хочу сказать, что и спустя срок лет после знакомства стремлюсь в меру возможности придерживаться определенных принципов, которые прививали мне мои преподаватели, в том числе и незабвенный Анатолий Ильич. В частности, мой учитель после прочтения моих текстов говорил: «Запомни, что главным рецензентом твоих сочинений являешься ты сам. Никто лучше тебя не знает то, что ты написал. Однако главное не это. Никогда не теряй чувства критического отношения к себе, ищи недостатки в своей работе и исправляй их. Хуже будет если эти недостатки исправит кто-то другой».

М. З. Бердута: За многие годы работы на историческом факультете Харьковского университета я встретил прекрасных преподавателей, именитых ученых и просто порядочных людей. Особое место в моей университетской жизни занимало общение с Анатолием Ильичем Митряевым. Я знал его около 40 лет. Будучи студентом, восхищался его содержательными лекциями, умением доступно излагать материал

своих любимых курсов «История южных и западных славян» и «История средних веков».

Кроме любви к истории Анатолий Ильич много времени уделял театральному искусству. Из 40 лет педагогической деятельности он половину отдал сцене, работе в художественной самодеятельности исторического факультета, написанию сценариев спектаклей, текстов пародий и т. д. Меня всегда захватывали его идеи постановки на университетской сцене классических драматических спектаклей, которые не ставились даже в профессиональных театрах Харькова. Именно так с подачи А. И. Митряева была поставлена пьеса «Эзоп».

С особой увлеченностью он относился к постановке отдельных сцен из разных оперетт, мюзиклов, любил интермедии, инсценированные юморески, скетчи. Увидев во мне актерские способности, Анатолий Ильич специально для меня подбирал роли, особенно из оперетт. При подготовке к новогоднему концерту или Дню истфака репетиции на сцене актового зала университета часто проходили до поздней вечерней поры. И мы это делали с огромным удовольствием, наш «худрук» мог «зажечь» каждого.

Анатолий Ильич умел организовать студентов, работать с ним было интересно, но в то же время иногда очень трудно. Ко всем без исключения участникам художественной самодеятельности, да и к сотрудникам факультета, он предъявлял такие же высокие требования, как и к себе. Всем своим поведением он положительно влиял на окружающих, воспитывал нас личным примером – быть принципиальными, честными и простыми в общении. Это проявлялось в стенах университета и за его пределами.

В 1970–1980-е гг. художественный Совет и студенческий профком университета тесно сотрудничали с речным пароходством таких рек, как Лена, Обь, Енисей, Волга, Печора и др. Они ежегодно в летний период приглашали артбригады университета, в том числе и исторического факультета, художественная самодеятельность которого была лучшей в университете, для проведения культурно-массовой работы на теплоходах пароходства.

Отчетливо вспоминаю то прекрасное время, когда в августе 1977 г. мы артбригадой исторического факультета в количестве 12 человек выступали перед плавсоставом обского пароходства на теплоходе «А. Глазунов». В нашей программе были: вокально-музыкальные номера, около 20 песен, танцевально-хореографические, музыкально-драматические, которые состояли из сцен оперетт. Например, сценка из оперетты Ф. Легара «Цыганская любовь», «Табачный капитан» В. Щербачева, сцена из мюзикла Ф. Лоу «Моя прекрасная леди». Особой популярностью среди зрителей теплохода и населения поселков, где мы выступали с концертом, пользовались сценки из оперетты Б. Александрова «Свадьба в Малиновке». Мы с Анатолием

Ильичем были стержнем всей концертной программы. Сценарий концерта, текст пародий и режиссура всегда осуществлялись Анатолием Ильичем. Надо отметить, что он ревностно относился к моим замечаниям по отдельным положениям сценария, но потом охотно соглашался. Текст пародий, сценки из оперетт он составлял с учетом актерских возможностей каждого из членов артбригады. Особенно активно он задействовал меня. Из восьми музыкально-драматических номеров программы я участвовал в шести. На моей памяти не было случая, чтобы наша артбригада возвращалась в Харьков без благодарностей от речного пароходства. С пониманием отмечаю, что в этом, конечно же, большая заслуга нашего режиссера.

Надо отметить, что Анатолий Ильич, как, к слову, и я, независимо от количества зрителей, присутствующих на концерте, всегда отдавались творческому делу сполна. Не могу объяснить почему, но вместо волнения нас охватывало чувство, какое можно назвать только вдохновением. Анатолий Ильич любил повторять: «Только хорошо играть на сцене – мало, надо уметь организовать себя, чтобы быть достойным хозяином сценического дара». И в значительной степени нам это удавалось.

Анатолий Ильич всегда выступал творческим лидером, осуществлявшим профессиональное руководство творческой и репертуарной деятельностью студенческой самодеятельностью исторического факультета. Будучи талантливым во всем, он очень много сделал для подготовки высококвалифицированных историков и воспитания чувства прекрасного у молодежи. Он был и остается для нас примером, подтверждающим, что в истории, как и в искусстве, формально нельзя создать ничего, – в них нужно уходить всем своим существом, иного пути не существует. Анатолий Ильич навечно останется в моей памяти, в памяти очень-очень многих его коллег и выпускников исторического факультета.

С. Б. Сорочан: У каждого незаурядного человека есть свой характерный образ, свое лицо. Это придает ему своеобразие и делает неповторимым. Анатолий Ильич Митряев напоминал большого и энергичного великана с душой ребенка. В мире окружавших его людей он проявлял такой энтузиазм и излучал столь яркий свет, что невольно притягивал к себе магнитом. Он обладал этим бесценным даром и охотно делился им. Дополняя статью воспоминаниями об Анатолии Ильиче, ловлю себя на мысли, что в солнечном свете памяти не могу представить этого решительного, динамичного человека мертвым, хотя с момента его ухода из жизни прошло изрядно лет. Но вот привычное в таких случаях смирение перед случившимся у меня так и не наступило. Причина, видимо, еще и в том, что последний его год – год смерти, когда Анатолий Ильич тяжело болел, мучимый раком, прошел вне моего взора и я запомнил покойного только как жизнерадостного,

напористо, неутомимо работающего, преодолевающего все невзгоды человека, которому, казалось, не будет износа.

Жизнь свела нас на одной кафедре - кафедре истории древнего мира и средних веков давно, с момента появления Анатолия Ильича на этой кафедре, на которой он проработал много лет вплоть до ухода на пенсию. Сказать, что он был отличным специалистом, историком-славистом, значит ничего не сказать. При абсолютном признании этого обстоятельства Анатолий Ильич притягивал к себе куда большим - высочайшим интеллектом, некой раскованностью, широтой мысли, возможностью рассуждать на самые разные темы, особенно если они оказывались связаны с его излюбленной тематикой - гуситами и историей южных и западных славян. Когда он увлекался, его единственный глаз вдохновенно сверкал за стеклом очков и в нем горел огонь неистребимой жизненной силы.

Анатолий Ильич читал общий курс лекций по истории южных и западных славян, начиная с материала от древности и кончая XIX в. Мне не довелось слушать его студентом, знал только блестящие отзывы тех, кто слушал. Но в 1992 г. в соответствии с новым учебным планом курс собирались передать мне, молодому доценту, и для того, чтобы лучше подготовиться к этому ответственному делу я попросил у Анатолия Ильича разрешения посещать его лекции, на что получил самое радужное приглашение. Этот курс, записанный стенограммой, до сих пор хранится у меня, и я лелею надежду, что, может быть, когда-нибудь мне хватит времени расшифровать убогие записи и издать в память о блестящем лекторе. Читал он никогда не пользуясь никакими записками, конспектами. Перед ним не лежало на кафедре ничего. Да и сам он постоянно находился в движении, шагал по аудитории и держал присутствовавших в неослабном поле внимания. Поражали глубина подачи четко выверенного, великолепно структурированного материала при кажущейся простоте и безусловной доходчивости изложения. Это было искусство, за которым стояли годы и годы работы, великого учебного опыта. Остается лишь сожалеть, что подобное неповторимо. Нынешние громоздкие, с тугой академичностью написанные учебники по этому предмету не идут в сравнение с услышанным.

Анатолий Ильич был прекрасным организатором науки. Организованную им международную научную конференцию, посвященную памяти А. П. Ковалевского, запомнили многие ее участники. Она стала подлинным форумом ученых-славистов, причем приняла в свои ряды и византинистов. К слову сказать, Анатолий Ильич глубоко знал историю Византии и порой поражал меня владением такими тонкостями по этому предмету, какие составили бы честь лучшим специалистам. При всем том это был очень открытый, приветливый, располагающий к себе человек, который всегда готов был прийти на помощь. Любя застолья, он, как истый жизнелюб и балагур,

всегда оказывался душой компании. Вероятно, сказалось его пламенная, фанатичная любовь к театру, к артистизму, который вошел в жизнь как стиль. Необыкновенно начитанный, он постоянно делился прочитанной художественной литературой, поэзией и этим тоже привлекал внимание.

Уйдя с кафедры, Анатолий Ильич последние годы своей жизни работал, читая в университете общие курсы лекций по истории Украины, которые требовались для всех факультетов. Годы, трудности жизни брали свое и, встречая его, можно было услышать сетования, что нагрузка колоссальная, что не успевает восстановиться, тем более, что пришлось перейти на чтение лекций по новой тематике на украинском языке, как того требовали обстоятельства нашей изменившейся жизни. Но и тогда Анатолий Ильич не унывал, мечтал, строил планы на будущее, причем этих планов у него было громадье. Он вечно что-нибудь придумывал, составлял, набрасывал проекты, которые, впрочем, воплощались не часто. На первый взгляд, как и незаконченная докторская, это может показаться верхоглядством, недостаточностью концентрации усилий. Но только на первый взгляд. Тому, кто хорошо знал этого человека, было понятно, что для него это своеобразное “горючее” для его бесперебойно действующего “мотора” – вдохновения, без которого он попросту не мог существовать. Едва ли правильно измерять оставшееся после ученого наследие только количеством публикаций: Анатолий Ильич остается ярким примером того, насколько тонка ткань творчества и как велика сила обаяния талантливой личности ее носителя.

Примечания

1. *Бучанов И. И.* Гуситское движение: отечественная историография. 1945–2005 гг.: автореф... канд. ист. наук / И. И. Бучанов. – М., 2010.
2. *Зайцев Б. П.* Памяти А. И. Митряева / Б. П. Зайцев, В. И. Кадеев // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2000. – Вип. 4.
3. *Из ответов* на анкету [Воспоминания В. С. Кравцова] // Харківський історіографічний збірник. – Х., 2006. – Вип. 8.
4. *Митряев Анатолий Ильич (1922–1998)* // Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского университета. К 20-летию / Сост. В. И. Кадеев. – Х., 1998.
5. *Митряев А.* Сила единства и братства: о советско-чехословацком сотрудничестве / А. Митряев, В. Сухарев // Красное знамя. – 14 декабря.
6. *Митряєв А. І.* Вивчення в радянській історіографії соціально-економічних передумов гуситського руху / А. І. Митряєв // ВХУ. – 1967. – № 22. – Сер. Іст. – Вип. 2.

7. Митряев А. И. Первый сборник по славянской историографии [Рец.] / А. И. Митряев, С. И. Сидельников // Советское славяноведение. – 1967. – № 2. (Славянская историография: сб. ст. / Под ред. И. М. Белявской и др. – М., 1966).
8. Митряев А. И. Изучение в украинской советской историографии средневековой истории зарубежных славян (1917–1967) / А. И. Митряев // Славянская историография и археография. – М., 1969.
9. Митряев А. И. Оценка Яна Гуса в современной историографии / А. И. Митряев // Советское славяноведение: Материалы IV конф. историков-славистов (Минск, 31 янв. – 3 февр. 1968 г.). – Минск, 1969.
10. Митряев А. И. Оцінка Яна Гуса в працях радянських істориків / А. І. Митряєв // ВХУ. – 1969. – № 35. – Сер.: Іст. – Вип. 3.
11. Митряев А. И. Дослідження з питань джерелознавства історії гуситського руху в працях радянських вчених / А. І. Митряєв // ВХУ. – 1970. – № 45. – Сер.: Іст. – Вип. 4.
12. Митряев А. И. Советская историография гуситского движения: автореф. дисс. ... канд. ист. наук / А. Митряев. – Х., 1971.
13. Митряев А. И. Про оцінку в радянській історіографії соціальної суті ідеології і позицій Петра Хельчицького та Яна Желівського в гуситському русі / А. І. Митряєв // ВХУ. – 1974. – № 104. – Сер.: Іст. – Вип. 8.
14. Митряев А. И. Дослідження в наукових установах УРСР 20-х років середньовічної історії зарубіжних слов'ян і Візантії / А. Митряєв // ВХУ. – 1975. – № 118. – Сер.: Іст. – Вип. 9.
15. Митряев А. И. Про оцінку в радянській історіографії ідеології таборитів / А. І. Митряєв // ВХУ. – 1976. – № 145.
16. Митряев А. И. До питання про оцінку Марина Дринова як історика-слависта / А. І. Митряєв, О. М. Сурков // ВХУ. – 1978. – № 167. – Сер.: Іст. – Вип. 10.
17. Митряев А. И. Гуситський революційний рух / А. І. Митряєв // Українська радянська енциклопедія. – 2-е вид. – К., 1979. – Т. 3.
18. Митряев А. И. Дринов Марин Стоянов / А. И. Митряев // Славяноведение в дореволюционной России: библиографический словарь. – М., 1979.
19. Митряев А. И. Надлер Василий Карлович / А. И. Митряев // Славяноведение в дореволюционной России: библиографический словарь. – М., 1979.
20. Митряев А. И. Попруженко Михаил Георгиевич / А. И. Митряев // Славяноведение в дореволюционной России: библиографический словарь. – М., 1979.

21. *Митряев А. И.* Кафедра славяноведения Харьковского университета / *А. И. Митряев* // Народно-демократические революции и развитие славянских стран по пути социализма. Десятая всесоюзная научная конференция историков-славистов. 30 января – 1 февраля 1985 г.: Тез. докл. и сообщ. – Харьков. 1985.
22. *Митряев А. И.* Медиевистика в Харьковском университете за годы Советской власти / *А. И. Митряев, Ю. А. Голубкин* // ВХУ. – 1987. – № 302.
23. *Митряев А. И.* Освещение в советской медиевистике на Украине истории зарубежных славян / *А. И. Митряев* // Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. – Минск, 1988.
24. *Митряев А. И.* К вопросу об этапах научного творчества Марина Дринова / *А. И. Митряев* // Марин Дринов: Материалы от българосъв. Науч. конф. «150 години от рождението на М. Дринов» и «110 години Народна библиотека «Кирил и Мефодий», ноември 1988 г. – София, 1989.
25. *Митряев А. И.* Медиевистика в Харьковском университете / *А. И. Митряев, Ю. А. Голубкин, С. И. Лиман* // ВХУ. – 1991. – № 357.
26. *Митряев А. И.* Кирилло-Мефодиевская проблема в трудах медиевистов Украины XIX–XX вв. / *А. И. Митряев, С. И. Лиман* // Болгарская культура в веках: Тез. докл. науч. конф., 26–27 мая 1992 г. – М., 1992.
27. *Митряев А. И.* Освещение средневековой истории Болгарии в трудах учёных УССР / *А. И. Митряев* // III Дриновские чтения: тез. докл. – Х., 1994.
28. *Митряев А. И.* Андрій Петрович Ковалівський (До 100-річчя від дня народження) / *А. И. Митряев* // На честь заслуженого діяча науки України Андрія Петровича Ковалівського (1895– 1969): тез. міжнар. наук. конф. – Х., 1995.
29. *Митряев А. И.* Историографические этюды С. И. Муртузалиева по истории Болгарии XV–XVI столетий. [Рец.] / *А. И. Митряев* // Болгарский ежегодник. – Х.; София, 1996. – Т. 2. (Муртузалиев С. И. Историографические этюды по истории Болгарии XV–XVI столетий. – Махачкала, 1991).